

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

диссидентам, трикстерам, положение которых в обществе фактически было сродни статусу пре-ступников, то есть людей, переступающих некую запретную черту.

Основой благоденствия полагались стабильность и равновесие. Строительство грандиозных мегалитических сооружений, зиккуратов, пирамид, ирригационных комплексов, водохранилищ, зернохранилищ было действием, служившим – помимо побуждения к физическому воплощению сакрального конструкта – данной цели. В период «семи тучных коров» избыточная энергия аккумулировалась, ограничивая потенциал демографического либо социального взрыва. Наоборот, когда приходило время «семи тощих коров», в наличие были средства для поддержания численности населения и одновременно для купирования социальных турбулентностей. Однако люди – существа, по своему естеству порождающие перемены, время от времени – радикальные. Человеческая природа плохо укладывается в прокрустово ложе.

В лоне истории, таким образом, сопричастствуют и состояются два социальных ритма:

- синусоидальный – сопряженный с перманентным воспроизводством баланса, поддержанием неизменности традиций;
- векторная динамика, усложненная нелинейностью, синкопами, фазовыми переходами – трансценденцией миропорядка, трансформацией норм и регуляций, – имеющая следствием взрывной рост населения, расширенное воспроизводство, разнообразные, неоднозначные воплощения творческой новизны.

СМУТНЫЙ ГОРИЗОНТ ИСТОРИИ

Следующая форма сознания – мышление диахронное, или линейное, «векторное» (стрела времени). Это – распутанная нить Ариадны, выводящая людей из сновидческих объятий мандалы, проводящая через многоугольные, спиралеобразные закоулки лабиринта. Метастазы идиосинкразии к будущему (прежняя аксиология времени) все же сохранялась в виде нисходящей траектории истории: от «золотого века» к «железному» и далее – к «гибели богов».

Данный тип мышления внятен и привычен, он – одна из основ цивилизации. С генезисом хронологического вектора связано также понятие «осевого времени» – некой поворотной точки истории, после которой происходят многочисленные, серьезные перемены. Начиная приблизительно с VIII века до н.э. в средиземноморской Ойкумене утверждается и развивается отличный от прежнего взгляд на мир – экзотерический и категориальный. Рождаются формы устойчивой рефлексии – философия и наука (натурфилософия). Речь идет прежде всего о совершившей ментальный прорыв Древней Греции. Люди дерзновенно и критически (хотя до поры как бы «искоса») взглянули на угнетавший фатум и, не отрицая неумолимость рока, противопоставили ему собственное деятельное промышление.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Продвижение от мифологического мышления к логическому, от целостного («драгоценной целостности») – к формализованному, аналитическому («расплетенному»), то есть рассеченному философским скальпелем, было реализовано в Элладе. От мифопоэтического восприятия и непосредственности суждений человек совершил транзит к опосредованному знанию и рациональности отложенных целей (перемен). Был преодолен критический перекресток – развилка версий мировидения – и сделан далекоидущий выбор: предпочтение отдано дороге, уводящей от мистериального откровения и апофатического осмысления как универсального источника закона. (Отринутый путь был пройден, однако в другой части Средиземноморья альтернативный историософский сдвиг и иной подвиг реализован другим народом – еврейским...)

Наряду с попыткой вскрыть анатомию рока эллинами отчуждались, инкапсулировались архаичные форматы собеседования с промыслом. Арбитром же и мерой вещи утверждался человек – земной очаг прометеева огня. София обреталась мастерством (если не ремеслом) внутреннего либо коллективного диалога представителей особой породы, способной к необычному способу жизни – *bios theoretikos*, – ставшему уделом дважды свободных людей. Философия, ее категориальный язык, ясная, внятная речь ущемляли дельфийскую многозначность, обезличивали, деперсонализировали звездный атлас, а рациональная мистичность числовых экзерсисов подавляла энигматичную магию календаря, отмыкала глухие двери скрипичным ключом и выводила из ментального лабиринта предписанный алогичным неумолимым фатумом круговорот событий.

Эпистемология становилась самостоятельной реальностью – топографией рассуждений, девальвирующей сакральность мандалической карты бытия.

Был создан когнитивный аппарат, обративший мир и его предметность в нечто иное: операциональное отражение – блестящий щит категорий и понятий, отделивший человека от гипнотического воздействия среды. Пространства рефлексии обрели картографию, которая в отличие от сакральной географии была практической аппликацией – инструментарием сборки ситуаций и проектирования замыслов (процесс сродни переходу от иероглифической формы письма к алфавитной). Осмысление бытия отстранялось от сновидений разума, где смешивались боги и люди, равноучаствовавшие в событиях. Через индивидуацию Одиссея и мучительные эксцессы релятивизма человечество переходило к формулированию законов – темперированных гармоник, октав взаимоотношений личности и рока. А затем – к космологическому деизму, рациональной онтологии, порождавшей «философию» как системную диверсифицированную рефлексию о мире и населяющих его людях.

НЕВЫРАЗИМАЯ СЛОЖНОСТЬ БЫТИЯ

Следующая формула сознания оказалась сложной для усвоения и освоения из-за антиномийной специфики. Это синергичное мышление.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Существует порог, некогда преодоленный человечеством, он связан с началом христианской эры – радикальной новацией по отношению к миру прежнему, традиционному, античному. Люди новой эпохи осознавали смену ситуаций, называя себя *moderni*, чтобы отличаться от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*⁷. Позднее понятие Модерна приобрело иные акценты, фиксировавшие отличие Нового времени от Средневековья, а в истории культуры получило дополнительный смысл.

Общество, возникшее на миростроительной площадке, называлось по-разному: христианская, европейская, современная цивилизация, или наша эра. Откуда же взялись поразительные творческие силы, позволившие за недолгий исторический срок преодолеть ограниченность прежней Ойкумены, скудные времена, радикально преобразовать стиль жизни и облик планеты? Разница в конечном счете заключалась в появлении личности, осознавшей себя образом и подобием Творца, творящего из ничего нечто. Личности, освобожденной от калейдоскопа дурной бесконечности и ярма предопределения. Личности, претендующей в пределе дерзновения стать по причастности к нетварным энергиям тем, чем Творец является по сущности. Степень страдания (порой отчаяния) обусловлена теперь не нарушением, искажением либо распадом порядка, но жаждой полноты бытия, взысканием абсолютного спасения, поиском пути для кардинальной надвременной перемены участи. Иными словами время обретает подвижный, разнонаправленный, персональный характер.

Христианская рациональность основана не на логике Аристотеля и предполагает отличный от античного маршрут постижения истины. Новое мышление, отточенное в ходе вселенских соборов, проявляется прежде всего в тринитарном богословии и христологии, развивается катафатическим и апофатическим богосознаниями, продуцирующими множество школ (включая еретические) и культурных течений – от *leys d'amors* (миннэ) Прованса до византийского исихазма. Специфика рефлексии – удержание в сознании, самом естестве антиномийной, пульсирующей природы миропорядка живого статуса знания и приложение обретенной комплексности к опознанию Промысла в недрах существования.

Прежние форматы, впрочем, уживаются с обновленной, но сложной для освоения и обладания ментальностью – житейски обременительной перманентной трансценденцией бытия. Стрела времени, то есть линейная ориентация хронотопа, сохраняется как социальная доминанта, однако энтузиазм новой веры меняет ее смысл – история из процесса деградации превра-

⁷ «Согласно Гарнаку, обобщившему верования этих ранних христиан, они были убеждены, что: “1) наш народ старше мира; 2) мир был сотворен ради нас; 3) жизнь мира была продолжена ради нас: мы отсрочили суд над миром; 4) всё в мире подвластно и должно служить нам; 5) нам открыто всё в мире: и начало, и течение, и конец всей истории, для наших глаз нет ничего сокрытого; 6) мы примем участие в суде над миром, а сами вкусим вечное блаженство”. Но главное убеждение ранних христиан состояло в том, что это новое общество, раса или народ были учреждены Иисусом Христом, который является его законодателем и Царем». См.: Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибур и Райнхольда Нибур. М., 1996. С. 48–49.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

щается в код спасения: ресурс для восстановления и восхождения личности, что со временем находит отражение в концепции прогресса. Осваивая новый образ реальности, сочетая соборные решения с феноменологией городской революции, комплексное сознание мутирует, порождая ритмы современности...

К сожалению, за границами рассуждения осталась не только синтетическая формула эклектичного мышления, сопряженная с рассеянной дискретностью «клипового сознания», но также сознание «антургийное», деструктивное, способное к беспредельному, неудержимому разрушению, обладающее историческим опытом⁸, культурной потенцией, собственным мировидением – образом антургии: квазицивилизации смерти, «пира из мяса богов». Данное мировосприятие, своего рода пессимистический энтузиазм, подобно тлеющему жару соприсутствуя «подлым слоем» в субстанции практики, может в минуту социальной растерянности произвести стремительную реконфигурацию человеческой вселенной, что означало бы крах истории и *déjà vu* примордиальной регрессии – бегство от непереносимости бытия в бешенство и беспамятство экзистенции⁹.

Взрастив, таким образом, зубы дракона, некогда посеянные в людском естестве предвкушением апокалиптического урожая.

ЗНАТЬ – ЗНАЧИТ ПОНИМАТЬ

*Не бывает потрясений в стилях
музыки без потрясения
важнейших политических законов.*

Платон

КОМПОЗИЦИЯ ЗНАНИЯ

Существуют различные способы организации знания. Категориальный (философский) подход был реализован в Древней Греции, где было совершено промышленное знание. Вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий: «руль», «рулевой» превратились в искусство управления – *κυβερνητική*, крепежная скоба мачты – в *ἀρμόνία* как эстетическую категорию и т.п.

В Элладе фактически присутствовали два «облака» знания – старое/традиционное и новое/философское. Внутренняя же организация зависела от объекта исследования: бытие/состояние – человечество/изменение – изделия/опыт.

⁸ См.: Неклесса А.И. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // *Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*. М., 2003. С. 53–97.

⁹ См.: *Он же*. Цивилизация СМЕРТИ // *Эсхатологический сборник*. СПб., 2006. С. 531–549.